

А. А. БЕЛЯКОВ

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ГРАНИЦЫ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В КАРЕЛЬСКОЙ АССР

В любом определенном человеческом коллективе язык должен быть понятен для каждого его члена; без этого он не может быть общим средством общения, не может быть языком.

При рассмотрении карельского языка как общего средства общения между всеми карелами нужно выяснить, действительно ли он является таковым и служит ли этой цели.

Для того, чтобы язык был общим средством общения, нужно, чтобы он имел общую языковую основу. Основой же языка являются его основной словарный фонд и грамматический строй.

Имеет ли карельский язык общий для всех карел основной словарный фонд? Да, имеет. Основной словарный фонд, куда входят все корневые слова как ядро словарного состава, для всех карел является общим. Более того, весь словарный состав карельского языка, кроме заимствований, произведен на основе этого общего основного словарного фонда и поэтому словарный состав тоже является общим.

Для выяснения общности словарного состава карельского языка нами рассмотрена и сравнена собранная по многим населенным пунктам республики лексика. Привлечено 12—15 тысяч слов, собранных в Кестеньгском, Сегозерском, Ведлозерском, Пряжинском и Прионежском районах¹, т. е. в северной, средней и южной частях республики. По Пряжинскому и Прионежскому районам в качестве источника использован „Словарь людиковских диалектов“ Куёла², а также материалы, полученные от представителей этих говоров.

Привлеченный материал показывает, что слов с одним и тем же значением, но образованных от различных корней или основ, на разных территориях республики имеется очень немного, не более 150—200. Например: слово *крыша* в одном месте звучит как *katos* или *katoš*, в другом *levo*, в третьем *kroul'* или *kroun'*; *печь(ка)* в одном месте *kiugua* (*kiukua*), в другом *päčči*; *дверь* (в избу): в одном месте *ovi*, в другом *uksi*; *ведро* в одном месте называют *rengi*, в другом *ämpäri*,

¹ По административному делению районов до 1956 года.

² I. Kujola. Luudiläismurteiden sanakirja, Helsinki, 1944.

в третьем *šankko*, в четвертом *kanteikka*¹, в пятом *kattila*, в шестом *viedra* и даже *žes't'anka*.

Такие слова имеют разные основы в языке разных мест и понятные населению одних мест, как правило, не понятны населению других мест. Однако они в силу малочисленности не могут делать карельский язык в целом непонятным для всех карел.

В грамматическом строе языка такое же положение. Синтаксис языка почти единый для всех. В морфологической структуре карельского языка для разных мест имеются некоторые, порою довольно существенные различия. Но таких морфологических категорий, которые свойственны одним, но совершенно незнакомы другим, находим только две: начинательную форму глагола и прошедшее время условного наклонения.

1. Начинательная форма глагола с суффиксом *-ška-*, *-škaze-* употребляется в юго-восточной части территории республики, население которой называет себя людиками. Эта форма в других местах неизвестна.

2. Особая форма прошедшего времени условного наклонения с суффиксом *-ni* (*-ny*) употребляется по всей южной части территории республики, население которой называет себя ливвиками и людиками. Населению средней и северной части территории республики эта форма неизвестна.

Таким образом, в основе языка коренных различий нет, если не считать немногочисленных лексических и указанных двух морфологических расхождений. В языке всего карельского населения имеется много такого, что не имеет никаких различий, или различия эти настолько незначительны, что не представляют никакой трудности для понимания друг друга, а отдельные из них, например, придыхательное *-h* в конце слова, может уловить только языковед.

Примером первого рода, т. е. языкового сходства, может служить, в частности, номинативная форма имен. В словарном составе имеется много общих по значению и звучанию слов, например: *kala* „рыба“, *kana* „курица“, *pino* „поленница“, *koivu* „береза“, *yö* „ночь“, *lumi* „снег“, *talvi* „зима“, *kivi* „камень“, *pert't'i* „изба“, *kyl'u* „баня“ и т. д.

Примером второго рода, т. е. языковых расхождений, может служить употребление или неупотребление звонких согласных *b*, *g*, *d*, *z*, *ž*, различное употребление свистящих и шипящих *s*, *š* и др. Например, в словарном составе языка много таких слов, в которых в одних местах употребляются звонкие согласные, а в других — их глухие соответствия: *pabu* — *paru* „боб“, *regi* — *reki* „сани“; *tedri* — *tetri* „тетерев“, *vaza* или *važa* — *vaša* „теленок“ и т. д.

Замена любого звонкого согласного глухим или глухого звонким ни в каких случаях не изменяет значения слова, как это бывает в русском языке. Сравни: „боб (растение или его семья)“ и „поп (служитель культа)“. В карельском языке *pabu* и *paru* означает только „боб“, *regi* и *reki* только „сани“, *tedri* и *tetri* только „тетерев“ и т. д.

Слова, имеющие в своем составе свистящие или шипящие согласные, тоже в разных местах звучат различно: *savu* и *šavu* „дым“, *savi* и *šavi* „глина“, *suksi* — *sukši* и *šukši* „лыжа“ и т. д. Имеются также различия в окончаниях номинатива: *akka* — *akku* — *akke* „жена, старуха“, *kukki* — *kukko* — *kukoi* „петух“, *rebo* — *reboi* „лисица“; различия в основе слова: *lähtemä* — *lähtömä* „телка“, *molemmat* — *molomat* „оба“ и т. д.

¹ *u*, *i* (а также *y*) после гласных обозначают неслоговые звуки и с предыдущим гласным образуют дифтонг.

Имеются и такие различия, которые делают одно и то же по значению слово довольно далеким по звучанию, например: *vedän — vejän — veän — viän — vien* „я тяну (тащу, веду, везу)“. Основа данного слова во всех случаях общая: *vedä-* (*vetä-*); сравни *vedämäh* (деепричастие от глагола „тянуть“), *vedännen* (возможностное наклонение „если я потяну“), *vedi* (изъявительное наклонение; „(он) тянул“); (в произношении северных карел: *vetämäh, vetänen, veti*). Инфинитив глагола с общей основой *puhu-* в разных местах встречается в форме *puhua — puhuo — puhuda* „дуть“. В личных же формах: *puhun* „я дую“, *puhut* „ты дуешь“ и т. д. никакой разницы в их звучании нет.

Гласные первого слога в разных местах также могут звучать по-разному, например: карельское слово, означающее „земля“ в одних местах произносится как *maa*, в других — *moa*, в третьих — *moo*, в четвертых — *mia*, в пятых — *mia* или *mya*; карельское слово, означающее „голова, конец“ звучит как *peä*, как *pee*, как *pie*, как *piä*. Несмотря на различие в звучании, эти слова понятны всем карелам.

По линии морфологии дело обстоит примерно так же. В ряде случаев формы совершенно одинаковы для всего карельского языка; например, в номинативе ед. ч. многие слова звучат совершенно одинаково: *kala, kana, lumi* и др. В генитиве и аккузативе одинаково звучащих слов гораздо больше, потому что в генитиве и аккузативе диалектные различия, имеющие место в окончаниях номинатива (*akka — akku — akke* „жена, старуха“), снимаются и везде будет: *akan*. В комитативе (сопроводительном падеже) различие в звучании лишь в послелого: *akan ke, akan ker, akan kera* „с женой“.

В транслативе (падеже со значением *кем, чем стать?*) также имеются различия в одном диалекте (*roita, l'ietä*) *učit'tel'aks*, в другом *učit'tel'akse*, в третьем *učit'el'aksi (učit'el'akši)* „(стать) учителем“. В эссиве (падеже со значением *кем, чем быть?*) у одних (*olla*) *učit'e'an*, у других *učit'el'ana*, у третьих *učit'el'annu* „(быть) учителем“. В речи такие различия для понимания друг друга не представляют трудности.

Есть различия на первый взгляд как будто громадные. В языке карел разных мест употребляется разное количество внутренне-местных и внешне-местных падежей (инессив и элатив, адессив и аблатив). У карел северной и средней части республики употребляются все четыре перечисленных местных падежа, каждый со своим падежным показателем: инессив (с основным значением: *где? внутри кого? чего?*) с показателем *-ssa (-ssä), -šša (-ššä)*, элатив (с основным значением: *откуда? изнутри кого? чего?*) с показателем *-sta (-stä), -šta (-štä)*, адессив (с основным значением: *на ком? на чем?*) с показателем *-lla (-llä)*; аблатив (с основным значением: *с кого? с чего?*) с показателем *-lda (-ldä)*.

Карелы южной части республики употребляют только два падежа с особыми падежными показателями: инессив-элатив (с основными значениями: *где? внутри кого? чего? и откуда? изнутри кого? чего?*) с показателем *-s (-š)*, который в потоке речи между звонкими может озвончаться в *-z, ž-*, и адессив-аблатив (с основными значениями: *на ком? на чем? с кого?*) с показателем *-l*.

Таким образом, если нужно сказать „в избе“, то карелы северной и средней части республики и карелы за пределами республики, т. е. все собственно-карелы, скажут *pert'is's'ä*, а южные карелы, т. е. ливвики и людики, скажут *pert'is (pert'iš)*. Если нужно сказать „из избы“, то собственно-карелы скажут *pert'is't'ä*, а ливвики и людики, как и в первом случае: *pert'is (pert'iš)*.

Если брать слово *pert'is* вне контекста, то собственно-карелам, а также ливвикам и людикам неясно, означает ли это „в избе“ или „из избы“. В то же время ливвиковско-людиковское *pert'is*, употребленное в предложении, например: *olen pert'is* (или *pert'iss*) „я нахожусь в избе“, не только для южных, но и для всех собственно-карел без труда понятно, ибо и собственно-карелы сказали бы: *olen pert'is's'ä* „нахожусь в избе“. Несколькo большая разница в звучании элатива в употреблении собственно-карел и ливвиков-людиков. Если последние скажут: *l'äks'in pert'iss* „я вышел, ушел из избы“, то собственно-карелы скажут: *l'äks'in pert'is't'ä* „я вышел, ушел из избы“. Но и в данном случае как собственно-карельское *l'äksin pert'is't'ä* понятно для ливвиков и людиков, так и ливвиковско-людиковское *l'äks'in pert'iss* понятно для собственно-карел.

То же можно сказать и о собственно-карельских падежах адессиве и аблативе и ливвиковско-людиковском адессиве-аблативе.

Для полноты картины рассмотрим и остальные падежи: иллатив, аллатив и партитив.

Иллатив (падеж с основным значением: *куда? в кого? во что? внутрь чего?*) в произношении населения разных мест имеет различия, которые сводятся к наличию или к отсутствию в падежном показателе придыхательного *-h*. Например, у небольшой части северных людиков произносится *pert'ii* (дифтонг *ii*), у небольшой части средних собственно-карел (у части паданских и тунгудских) произносится *pert'ii* (долгое *ii*), у южных людиков (один Михайловский сельсовет) *pert'ihe*, а у всех остальных, т. е. у собственно-карел, ливвиков и людиков, *pert'ih* „в избу“. При этом нужно указать, что карельское фарингальное *-h* произносится настолько слабо, что слушающему этот звук трудно уловить.

Аллатив (с основным значением: *кому? куда?*) у всех собственно-карел и большинства ливвиков совпал с адессивом и имеет падежный показатель: у собственно-карел *-lla* (*-llä*), у ливвиков *-l*, у людиков (где аллатив не совпал с адессивом) *-le*; например, людики говорят: *star'ika'e*, ливвики *star'ika!*, собственно-карелы *star'ikalla* „старик“.

Наибольшие различия имеет партитив (падеж с основным значением: *кого, чего нет?*). Имена в партитиве обычно приобретают различные падежные показатели, а некоторые категории имен подвергаются изменениям и в основе, например: *vez'i* (*ves'ii*) (основа *vede* „вода“) у одних будет *vet'ä*, у других *vez'ie* (*ves'ie*), у третьих *veded* „(нег) воды“. Значительные различия в самом падежном показателе (без изменения основы) в разных местах наблюдаются у большого количества имен, например, от основы *kondie-*: *kondieda* (*kontietä*), *kondiedu*, *kondia*, *kondio*, *kondiad*, *kondijad* (партитив ед. ч. от слова „медведь“) или *yö* имеются в разных местах варианты множ. ч.: *yö!öi*, *yö!öjä*, *yö!öidä*, *yö!öitä*, *yö!yöid*, *yöid*, *öidä* (партитив множ. ч. от „ночь“). В карельском языке разные типы слов в косвенных падежах имеют свои показатели множественного числа: *-i-*, *-loi* (*-löi*), например, от *l'ehmä* „корова“ множ. ч. *l'ehm-i-*, от *lumi* (основа *lume-*) „снег“ множ. ч. *lumi-loi-*. Эти показатели множественности для одного и того же слова не во всех диалектах одинаковы; в одних при *lume-* „снег“ показателем множественности служит *-i-*: *lumilla*, в других *-loi*: *lumi!oilla* „снегами“ и т. п. Такое явление увеличивает диалектные различия, хотя эти различия распространяются не на весь диалект, а лишь на отдельные говоры.

Из приведенных примеров видно, что формы некоторых падежей не имеют никаких диалектных различий и являются общими для всего

карельского языка. В других же случаях формы падежей несколько различаются, но эти различия незначительны и, как правило, не затрудняют понимания.

В глагольном словоизменении подобная же картина, существенные различия имеются лишь в возвратных формах глагола.

Изложенные выше языковые факты убедительно говорят о том, что существует общий карельский язык, являющийся единым средством общения для всех карел.

Однако в карельском языке, как и в других языках, имеются диалекты. Несколько забегая вперед, можем сказать, что на территории Карельской АССР различаются три диалекта: собственно-карельский, ливвиковский и людиковский. Но диалекты не отрицают единства языка как средства общения, а указывают лишь на сложность пути развития данного языка.

Каковы же признаки, позволяющие выделить в карельском языке три основных диалекта?

Обратимся к территории, на которой проживающее там население называет себя людиками. Какие особенности свойственны диалекту населения этой территории?

Звонкие согласные *g, d, b* (у северных карел им соответствуют глухие *k, t, p*) в основе слов в некоторых положениях могут выпасть, а предшествующий и последующий гласные разных слогов стянуться и преобразоваться в диалектах разных мест по-разному. В людиковском диалекте выпадения *g, d, b* не произошло. Сохранением *g, d, b* этот диалект существенно отличается от других диалектов. Например, карельское „острога“ в одних местах звучит *azruan*, в других *azrain*, в третьих *azruain*, но в людиковском диалекте *azragain*; слово „ключ (технич.)“ соответственно *avuian, avoan, avain*, но в людиковском диалекте *avadim*; слово „весной“ *keviäl'l'ä, kevääl'(l'ä), kevyäl'l'ä, keväjel'l'ä*, но в людиковском диалекте *kevädäl'(l'ä)*, также *auttua, avvuttua* „помогать“ у людиков *abutada* и т. д.

Явление сохранения согласных *g, d, b* в основе слова, свойственное только людиковскому диалекту, является одним из моментов, выделяющих этот диалект.

Подобное же положение наблюдается и по отношению к чередованию ступеней согласных.

В карельском языке (исключая людиковский диалект) звонкие согласные *g, d, b* (или соответствующие им глухие *k, t, p*) открытого слога слова чередуются с другими согласными или совсем выпадают, если слог становится закрытым. В людиковском диалекте ни замены, ни выпадения этих согласных не происходит, например: *vago* „борозда“, *vagod (vavid)* „борозды“; *pada* „горшок“, *padat (padit)* „горшки“; *reboi* „лисица“, *reboit* „лисицы“. В других диалектах соответственно: *vago — vavot; pada — puat, poat, paat; rebo(i) — revot*.

Если согласным второго открытого слога *g, d, b* предшествуют согласные конца первого слога *l, n, m, r*, то первые у людиков при закрытом втором слоге образуют с последними сочетания *ld, nd, (md), rd; lg, ng, mg, rg; lb, nb, mb, rb*, а в употреблении всех других карел ассимилируются с *l, n, m, r*, например: *peldo* „поле“ — *pellot* „поля“, но у людиков *peldot (peldit)*; *kynd'iä* „пахать“ — *kynnän* „я пашу“, но у людиков *kynd'än; parda* „борода“ — *parras(sa)* „в бороде“, но у людиков *pardas; hammas* (снова *hambaha-*) „зуб“, но у людиков *hambas; olgi* „солома“ — *ollen* „соломы“, но у людиков *olgen* и т. д.

При двусложных словах с основой на *-a*, *-ä*, в которых первый слог закрытый или оканчивается не на краткий слоговой гласный, в людиковском диалекте в номинативе ед. ч. эти *-a*, *-ä* могут перейти в *e* или совсем отпасть¹, а согласный второго слога стянуться в первый слог, в результате слово с двусложной основой в номинативе ед. ч. становится односложным. В других диалектах подобного явления не наблюдается. В собственно-карельском диалекте конечные гласные основы сохраняются и в номинативе ед. ч., а в ливвиковском переходят в *u*, *y*, например: *l'ehmä*- (основа) „корова“ у собственно-карел и у ливвиков *l'ehmä*, *l'ehmy*, но у людиков *l'ehme* или *l'ehm*; *akka*- (основа) „жена, старуха“ у собственно-карел и ливвиков *akka*, *akku*, но у людиков *akke* или *akk*; *laiska*- (основа) „ленивый“ у собственно-карел *laiska*, у ливвиков *lasku*, но у людиков *laš*; *huaba*- (основа) „осина“, у собственно-карел *huaba* (*hooba*, *hoaba*), у ливвиков *huabu* (*hoabu*, *haabu*), но у людиков *huab* и т. д.

Наиболее ярким показателем диалектной особенности для людиковского диалекта служит употребление начинательной формы глагола, которая совершенно не известна ни ливвикам, ни собственно-карелам. Эта форма показывает момент начала действия. Для образования начинательной формы глагола употребляются суффиксы *ška-* *-škaze-*, например: *pajataškan*, *pajataškazen* „я запою“. Прошедшее время *pajataškažin* „я запел, начал петь“.

Из других морфологических диалектных особенностей, свойственных только людиковскому диалекту, укажем еще на следующие:

а) у собственно-карел и большинства ливвиков аллатив совпал с адессивом, но у людиков аллатив является самостоятельным падежом с присущим для него падежным суффиксом *-le*: *star'ikale* „старик“, а у ливвиков *star'ikal* означает и „старик“, и „у старика“, и „на старике“, и „стариком“, и „от старика“, у собственно-карел *star'ikalla* означает и „у старика“, и „на старике“, и „старик“;

б) показатель эссива у собственно-карел служит *-na* (*-nä*), у ливвиков *-nnu* (*-nny*), а у людиков *-n*, например, у собственно-карел *učit'el'ana* „учителем“, у ливвиков *učit'el'annu*, у людиков *učit'el'an*;

в) у людиков транслатив имеет падежный показатель *-ks* (*-kš*), у собственно-карел *-ksi* (*-kši*), у ливвиков — *kse* (*-ks*).

Аналогичная картина наблюдается и по части глагольного словоизменения.

Все эти особенности свойственны лишь языку населения одной и той же территории и не выходят за ее пределы. Поэтому они служат для определения диалектных особенностей людиковского диалекта.

В ливвиковском диалекте тоже имеются свои особенности, распространяющиеся в определенных территориальных границах. Однако многие явления, присущие ливвикам, имеют место как в людиковском диалекте, так и в собственно-карельском. Особенности ливвиковского диалекта в основном следующие:

а) Особенности конечной огласовки: в ливвиковском диалекте в номинативе единственного числа двусложные слова с основой на *-a*, *-ä*, в которых первый слог закрытый или оканчивается не на краткий слоговой гласный, имеют в конце слова гласные *-u*, *-y*: *sil'mä*-, *sil'my* „глаз“; *kulda*-, *kuldu* „золото“; *lauda*-, *laudu* „доска“; *kaida*-, *kaidu* „узкий“; *säynä*-, *säynu* „язь“ и т. д.

¹ Явление отпадения конечных гласных перешло и на более чем двусложные слова.

Явление замены конечных гласных основы *-a (-ä)* на *-u (-y)* в номинативе ед. ч. перешло и на падежное окончание эссива. В собственно-карельском диалекте падежным показателем эссива является *-na (-nä)*, а в ливвиковском диалекте *-nnu (-nny)*. Конечный гласный основы *-a (-ä)* восстанавливается, например: *silmu* „глаз“ в эссиве *silmänny* „глазом“, *kuldu* „золото“ — *kuldannu (kullannu)* „золотом“, *lauddu* „доска“ — *laudannu* „доской“, *kaidu* „узкий“ — *kaidannu* „узким“, *säynu* „язь“ — *säynänny* „язем“ и т. д.

б) Чисто ливвиковская особенность проявляется и в падежном показателе транслатива. У собственно-карел показателем транслатива служит *-ksi (-kši)*, у людиков *-ks (-kš)*, а у ливвиков *-kse*; например: *silmäkse* „глазом“, *kullakse* „золотом“, *säynäkse* „язем“ и т. д.

в) Местоимение 3-го лица ед. ч. у собственно-карел и у людиков имеет в конце *-n*: *hiän, heen, heän, hän, häin*, у ливвиков же без *-n*: *häi*.

г) Личные показатели глагола в 1-м, 2-м и 3-м лице ед. ч. и в 3-м лице множ. ч. у всех карел совпадают. Показатели же 1-го и 2-го лица множ. ч. разные. У ливвиков для 1-го лица *-mmo (-mmö)*, для 2-го лица *-tto (-ttö)*, например, *otammo* „мы возьмём“, *otatto* „вы возьмете“, *syömmö* „мы едим“, *syöttö* „вы едите“ и т. д.

Эти явления свойственны только ливвикам и распространены в языке населения ливвиковской территории. По самоназванию населения — это ливвиковский диалект.

Диалект карельского языка населения остальной территории принято называть собственно-карельским диалектом. Значительных различий в языке этого населения нет, если не считать отдельных небольших отклонений, которые следует рассматривать как различия между отдельными говорами одного и того же диалекта.

Действительно, в склонении имен в падежных показателях в языке населения всего собственно-карельского диалекта различия сводятся лишь к фонетическим (свистящие или шипящие, звонкие или глухие, разные гласные в суффиксе партитива и некоторые др.). В спряжении большие различия наблюдаются только в формах возвратных глаголов, а в остальном почти полное единство.

Особенности языка той или иной группы населения определенной территории можно назвать говором чаще всего лишь на основании одного какого-либо явления, ибо трудно найти несколько одинаковых явлений, которые в равной мере распространялись бы на одной и той же территории. Например, можно выделить говор, общий для нескольких населенных пунктов Сегозерского р-на, где на месте древнего долгого *aa* первого слога слова употребляется *oo*: вместо *maa* „земля“ в этих пунктах говорят *тоо*, вместо *haara* „осина“ — *хооба*. Но древнее долгое *ää* первого слога слова только в некоторых из этих населенных пунктов дало *ee*, например, из *pää* — *рее* „конец, голова“. В других пунктах долгое *ää* дало дифтонг *-eä, -iä*: *реä, пиä* и др. Таким образом, территория употребления *oo* не совпадает с территорией употребления *ee*, хотя явления, из которых развились *oo* и *ee*, совершенно сходны. В то же время какие-нибудь варианты других явлений совершенно не совпадают с территорией распространения *oo*, а показывают территорию гораздо шире, часто заходя даже на территорию ливвиковского и людиковского диалектов.

На севере в бывш. Кестеньгском, в большей части Калевальского и в части бывш. Лоухского районов не употребляются звонкие смычные *g, d, b* и щелевые *z, ž*. Вместо них употребляются соответствующие им глухие *k, t, p, s, š*. По этому явлению язык населения

указанных районов можно считать особым говором. Таким образом, говор можно определять лишь по какому-нибудь варианту, реже большего количества вариантов, одного и того же явления.

Приведенный материал говорит о том, что в карельском языке различаются три диалекта: людиковский, ливвиковский и собственно-карельский, каждый из которых имеет свои территориальные границы (см. карту).

I—XIV — районы с карельским населением (по административному делению до 1956 года):

I — Олонецкий; II — Ведлозерский; III — Пряжинский; IV — Прионежский; V — Кондопожский; VI — Петровский; VII — Медвежьегорский; VIII — Сегозерский; IX — Ругозерский; X — Тунгудский; XI — Калевальский; XII — Кемский; XIII — Кестеньгский; XIV — Лоухский.

Если, с одной стороны, по языковым особенностям противостоят друг другу все три диалекта, то, с другой стороны, один собственно-карельский диалект по своим языковым особенностям резко противостоит двум диалектам: ливвиковскому и людиковскому. Это делит территорию Карелии на две части: южную, населенную ливвиками и людиками, и северную (в широком смысле, включая и среднюю), населенную собственно-карелами. Такое разграничение, когда ливвиковский и людиковский диалекты имеют между собой много общего, а собственно-карельский диалект противостоит им и имеет много фонетических и особенно морфологических различий, представляет большой интерес не только для истории развития карельского языка, но и для истории самого народа.

Каковы же эти общности, которые объединяют ливвиковский и людиковский диалекты и противостоят собственно-карельскому диалекту?

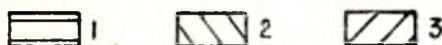
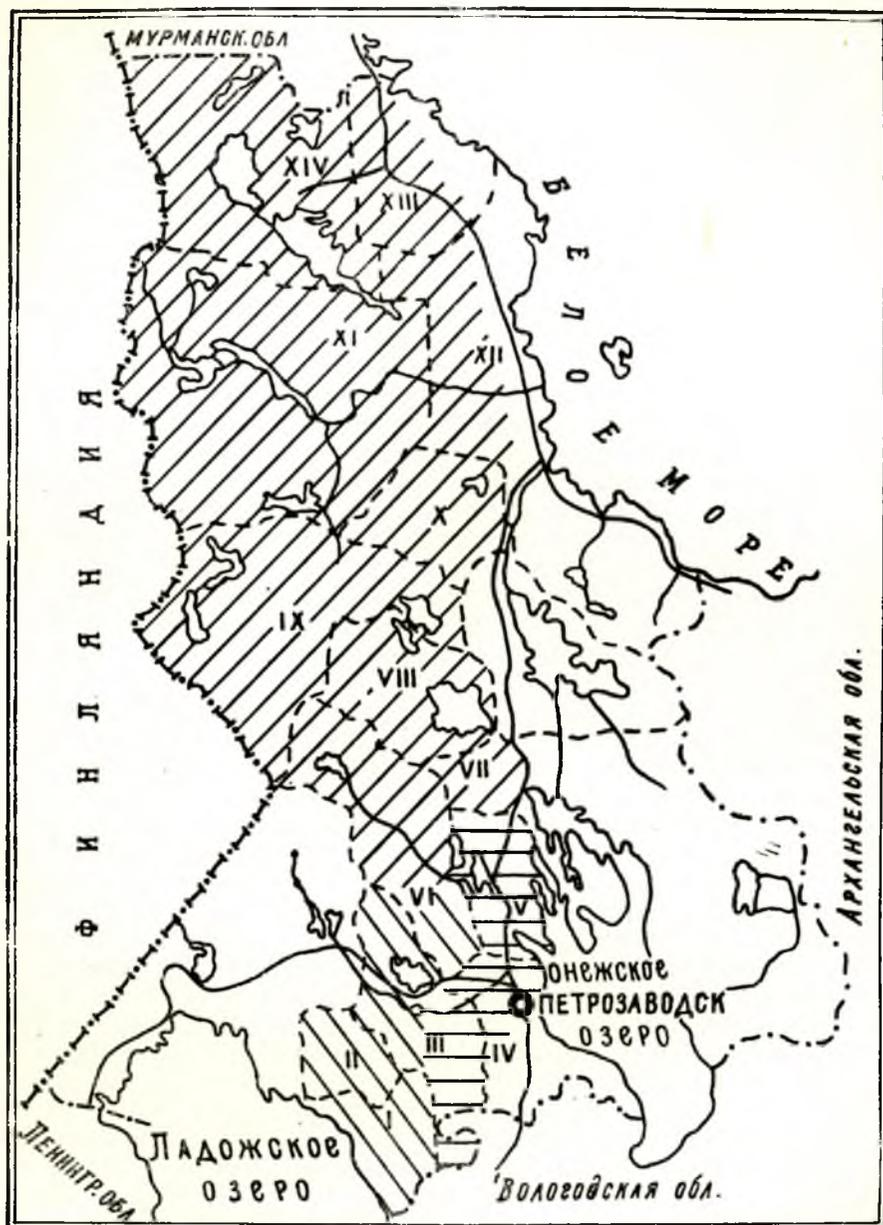
1. В прибалтийско-финском языке-основе в середине некоторых слов перед глухими свистящими употреблялся дифтонг на неслоговое *-i* (*ai, oi, ui*). Этот дифтонг сохранился в финском языке и в собственно-карельском диалекте, но в ливвиковском и людиковском диалектах перед неслововым *-i* свистящий перешел в шипящий, а неслоговое *-i* выпало, например, в собственно-карельском диалекте и в литературном финском языке: *laiska* „ленивый“, *paistua* „печь“, *muistua* „помнить“, а у южных карел (ливвиков и людиков) — *lašku, laške; paštua, muštua*. Только в части говоров ливвиковского диалекта в положении перед твердым *-t* употребляется свистящий *-s* при выпадении *-i* (*mušt'au, pas't'au*).

Употребление свистящих и шипящих в карельских диалектах поставлено чрезвычайно сложно. Любая новая фонетическая обстановка дает совершенно новые и разные границы употребления свистящих или шипящих, но в положении после *i* у южных всегда будет шипящий, а у северных — свистящий, например, у собственно-карел *is'ke* „колоть, резать скот; ударить, вбить“, а у ливвиков и людиков — *iške*. Только в некоторых говорах в исходе слова после *i* употребляется свистящий *-s* (*valmis'* „готовый“, *jän'is'* „заяц“).

2. В наречиях вроде *egl'ein* „вчера“, *ennen* „прежде, раньше“ у собственно-карел конечное *-n* употребляется повсеместно, а у ливвиков и людиков он выпал: *egl'ei, egl'äi, ende, enne* и т. п.

3. В ливвиковском и людиковском диалектах сочетания согласных *st* (*š'*), *sk* (*šk*), *ht*, *hk* ни в каких положениях в слове не чередуются, а в собственно-карельском диалекте они чередуются: *st*~*ss* (*š'*~*šš*), *sk*~*ss* (*šk*~*šš*), *ht*~*h*, *hk*~*h*, например, в положении сильной ступени в людиковском, ливвиковском и собственно-карельском диалектах *lastu* „щепка“, *musta* „черный“, *l'eski* „вдова, вдовец“, *laskie* „пустить“.

Схематическая карта
распространения диалектов карельского языка на территории
Карельской АССР

1 — людиковский диалект; 2 — ливвиковский диалект; 3 — собственно-карельский диалект

отпустить, выпустить“, *l'eht'i* „лист“, *l'äht'ie* „пойти“, *nahka* „кожа“, *шкура*“, *kohta* „место“ и т. д. В положении слабой ступени в лудиковском и ливвиковском диалектах чередования не происходит: *las'ut*, *mus'a't*, *l'esket*, *lasken*, *l'eh'et*, *l'äht'en*, *nahkat*, *kohtat*. В этом же положении в собственно-карельском диалекте происходит чередование, т. е. на место сильноступенных *st*, *sk*, *ht*, *hk* появляются слабоступенные *ss* (*šš*), *h*: *laššut*, *muššat*, *l'eššet*, *laššen*, *l'ehet*, *l'ähen*, *nahat*, *kohat*.

4. Сочетания согласных *ld*, *nd*, *rd*, *mb* в лудиковском диалекте не чередуются, но в собственно-карельском и ливвиковском диалектах в двусложных словах они чередуются. Явление чередования данных сочетаний в двусложных словах общее для этих двух диалектов. В трехсложных же словах эти же сочетания в лудиковском и в ливвиковском диалектах не чередуются, а в собственно-карельском чередуются. Примеры в положении сильной ступени, общие для всех диалектов: *huma!du-* „охмелеть, опьянеть“, *iz'än'd'ä* „хозяин“, *kumardu-* „поклониться, наклониться“, *vanhemb'i* „старший, родитель“. В положении слабой ступени в лудиковском и ливвиковском диалектах чередования не происходит: *humaldun* „опьянею“, *iz'ändät* „хозяйева“, *kumardut* „поклонишься“, *vanhembat* „старшие, родители“; в собственно-карельском же диалекте чередование появляется, т. е. на место сильноступенных *ld*, *nd*, *rd*, *md* выступают слабоступенные *ll*, *nn*, *rr*, *mm*: *humallun*, *iz'ännät*, *kumarrut*, *vanhemmat*.

5. По линии конечной огласовки слов лудиковский и ливвиковский диалекты сходятся в том, что в обоих диалектах двусложные слова с основой на *-a-*, *-ä-*, в которых первый слог закрытый или оканчивается не на краткий слоговой гласный, в номинативе ед. ч. теряют эти *-a-*, *-ä-*. В собственно-карельском же диалекте *-a-*, *-ä-* сохраняются (см. стр. 54).

6. Личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч. у собственно-карел, с одной стороны, и ливвиков и лудиков, с другой, звучат совершенно различно: у собственно-карел *mie* „я“, *šie (sie)* „ты“, у ливвиков и лудиков *minä*, *ma* „я“, *s'inä*, *sa* „ты“. В косвенных формах различия в основе сохраняются; например, в генитиве у собственно-карел *miun* „мой“, у ливвиков и лудиков *minun*; в транслативе у собственно-карел *miuksi* „мною“, а у ливвиков и лудиков *minukse*, *minuks* и т. п.

Особенно резко южные диалекты (ливвики и людики) противостоят сегерным (собственно-карелам) по употреблению падежей. Если некоторые падежи по своим показателям во всех диалектах совсем не отличаются или отличаются лишь незначительно, т. е. такие падежи, которые употребляются только в собственно-карельском диалекте и не употребляются в южных диалектах. К ним относятся внутренне-местные и внешне-местные падежи (см. стр. 51—52).

У собственно-карел деепричастие одновременного действия имеет суффикс *-ssa (-ssä)*, *-šša (-ššä)*, например, *avatessa (ava'essah)* „открывая“, у ливвиков и лудиков в подобных случаях говорят *ava es*.

В условном наклонении времена различаются только в ливвиковском и лудиковском диалектах, у которых для выражения прошедшего времени употребляется суффикс *-nu (-nu)*. В собственно-карельском диалекте этот суффикс не употребляется. Прошедшее время условного наклонения может быть показано только составной формой. Например, от глагола *sano-* „сказать“ форма настояще-будущего времени у собственно-карел, ливвиков и лудиков: *sanoz'in (sanožin,*

šanoz'in и др.) „я сказал бы“, а форма прошедшего времени будет *sanonužin* (только у ливвиков и людиков), у собственно-карел — *ol'iz'in šanon*.

В 3-м лице ед. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения у ливвиков и людиков признаком прошедшего времени служит *i* (неслоговое), например: *sanoi* „он сказал“, а у собственно-карел это неслоговое *i* не употребляется: *sano* „он сказал“.

Имеются и некоторые другие явления, свойственные ливвикам и людикам, но не свойственные собственно-карелам.

Исходя из языковых общностей всего карельского языка, включая все диалекты и учитывая диалектные особенности, а также и то, что многие явления собственно-карельского диалекта противостоят общим для ливвиковского и людиковского диалектов явлениям, напрашивается вопрос: в силу чего развились диалекты? имеем ли мы явление распада одного языка на три диалекта или незавершившееся слияние двух или нескольких языков в один общий язык? Ответить на это помогают следующие языковые факты.

Известно, что лексика из языка в язык переходит весьма свободно. Во всех диалектах карельского языка имеется бесчисленное множество русских заимствований разных времен. Возьмем для примера такую область быта, где ожидалось бы меньше всего заимствований, например, названия предметов домашней утвари. Заимствованными здесь окажутся слова: чугунок, тарелка, блюдо, лоток, ложка, поварежка, ухват, вилка, стакан, чашка, блюдец, лоханка, шайка и многие другие. Из этой области только несколько предметов имеют свои карельские названия. Точно такое же положение и с лексикой в области одежды. В карельский язык вошли русские названия тулупа, армяка, пальто, брюк, тужурки, пиджака, платья, юбки, кофты, шапки, картуза, кепи, шляпы и др. Карельские названия имеют лишь некоторые виды одежды.

В области школьного обихода вся лексика является заимствованной, кроме слова *opastuja*, означающего ученик, учащийся, изучающий.

Из приведенных примеров видно, насколько много русских заимствований в карельском языке. Если взять современную, следовательно, более высокую культуру и технику, то русских заимствований в карельском языке еще больше. Все эти слова вошли в карельский язык и подчиняются правилам карельской грамматики.

В области фонетических закономерностей между русским и карельским языками картина совершенно иная. Фонематический состав карельского и русского языков имеет как различия, так и сходство. В частности, сходство имеем в употреблении звонких смычных *g, d, b* (*g, d, b*) и щелевых *z, ž* (*з, ж*) (звонкие не употребляются только в части собственно-карельского диалекта самых северных карел). В прибалтийско-финском языке-основе, очевидно, и в древнем карельском, звонкие смычные и щелевые не употреблялись. Вопрос о причинах и условиях появления указанных звонких согласных в карельском языке требует еще дополнительного исследования. Однако некоторые предположения можно высказать уже теперь.

В прибалтийско-финском языке-основе смычные звонкие не употреблялись, но употреблялись щелевые звонкие: β , γ , δ , соответствующие смычным *b, g, d*.

Наличие щелевых звонких создавало условия для усвоения смычных звонких в русских заимствованиях. А после усвоения звонких смычных в русских заимствованиях, они стали употребляться и в сере-

дине карельских слов на месте щелевых звонких. Русский язык способствовал и ускорил процесс перехода щелевых в смычные звонкие.

Русский язык не мог передать в карельский звонкой аффрикаты *d'ž*, поскольку в русском ее нет. Но, усвоив звонкие смычные, карельский язык озвончил глухое *ĉ* (*ч*) до смычно-щелевого звонкого *d'ž* (*дж*).

Такие звуки, как *ѳ* и *ц*, заимствованы из русского и употребляются они только в русских заимствованиях. Переход этих звуков из русского языка в карельский совершился в недалеком прошлом.

По линии морфологии нет заимствований из русского языка. В области фонетики имеются некоторые заимствования, но больше всего заимствований в лексике.

В людиковском и ливвиковском диалектах наблюдается много фонетических и грамматических явлений, общих с вепским языком. В собственно-карельском же диалекте подобного явления почти нет. Могли ли появиться эти людиковско-ливвиковско-вепские общности в силу вепских заимствований в карельский?

В карельском языке древних русских лексических заимствований чрезвычайно много, но нет морфологических заимствований: язык не заимствует без надобности. Карельский язык, заимствуя из русского языка слова, подчинял их своим морфологическим правилам. Очевидно, и в морфологических заимствованиях из вепского не было нужды, поэтому и нет таких заимствований в собственно-карельском диалекте.

По тем же причинам нельзя говорить и об обратном явлении, т. е. о вепских заимствованиях из карельского языка, в силу которых появились бы людиковский и ливвиковский диалекты. Перед нами не заимствования из одного языка в другой, и не распадение бывшего единого языка на диалекты, а смешение двух языков: вепского и карельского. Диалектами карельского языка их следует считать лишь потому, что в этих диалектах карельский элемент является преобладающим.

Как могло получиться такое смешение?

Если предположить, что смешение вепского языка с карельским или, наоборот, карельского с вепским, случилось в силу близкого соседства вепсов с карелами, то остается неясным, почему получились такие резкие территориальные границы диалектов? Почему явления карельского языка проникли в вепский язык, а явления вепского языка совершенно не вошли в язык собственно-карельского диалекта, а только в ливвиковский и людиковский диалекты? Наконец, почему людиковский диалект имеет больше общего с вепским языком, нежели ливвиковский? Между тем, граница соприкосновения с населением собственно-карельского диалекта у людиков гораздо больше, чем территориальные границы соприкосновения ливвиков с собственно-карелами.

Несомненно, что смешение карельского и вепского языков могло получиться лишь в результате смешения самого вепского и карельского населения, населения племени Вепь и племени Корела. Там, где население племени Вепь было количественно больше, мы имеем людиковский диалект, а где вепского населения было меньше, там сложился ливвиковский диалект.

Причин, мешающих смешению населения племен Вепь и Корела, не было. Это было население близко родственных племен с близко родственными языками: карельским и вепским.

Родовые устои ко времени смешения были, очевидно, не только сильно ослаблены, но, вероятно, уже совсем разрушены. Поэтому и с этой стороны ничто не мешало смешению разноплеменных наро-

дов. Территория была заселена редко и незаселенных мест было достаточно, чтобы без ущерба для других селиться на них новому населению. „Старым“ же населением современной людиковско-ливвиковской территории были вепсы, о чем Д. В. Бубрих пишет: „Замечательные раскопки В. И. Равдоникаса показали раннее распространение Веси на север, на низовья рек Олонки и Видлицы, т. е. на ту территорию, где мы ныне находим приладожских карел-ливвиков. Другие, более старые раскопки, показали раннее распространение Веси в районе Онежского озера и притом не только к западу от него, в частности, по той территории, где мы ныне находим прионежских карел-людиков, но и к востоку от него“.¹ Корела занимала территории западного и северного побережья Ладожского озера и прилегающие к нему места.

По летописи известно, что уже в первой половине XII в. Корела имела столкновения с Емью, а к концу XII в. и позже и с Швецией.

Швеция противостояла России, точнее Новгороду, а поскольку Корела в это время уже входила в состав Русского государства, то карелы и русские, при соприкосновении шведскому давлению, выступали против шведов всегда совместно.

Нападения шведов на Корелу приводили последних к тому, что иногда часть их уходила восточнее, где и селилась. „Уже в середине XIII в. группы Корелы появились в восточном направлении. Они появились и на Олонецком перешейке среди Веси, и дальше. В 1251 г. одна группа Корелы зарегистрирована даже у Кубенского озера“,² намного восточнее людиковской территории.

Поскольку военные столкновения имели место на протяжении многих веков, то группы Корелы, несомненно, неоднократно вынуждены были покидать свои места на Карельском перешейке и в северном Приладожье и селиться восточнее на Олонецком перешейке. Такое количественное увеличение Корелы среди вепсов приводило к тому, что селения карел и вепсов стали все ближе и ближе примыкать друг к другу.

Благодаря родственности вепского и карельского языков население вепсов и карел легко смешалось (браки, экономические связи, общая государственность и т. д.). При смешении населения неизбежно смешивался и язык, но преобладающим все же оставался карельский язык, который лишь впитал в себя много вепских элементов. Эти вепские элементы вытеснили соответствующие карельские элементы. А явления, как, например, начинательная форма глагола, каких в карельском языке не было, людиковским говором целиком были восприняты из языка Веси. Вепское население постепенно усваивало карельский язык и язык для смешавшихся карел и вепсов стал общим.

Но общим, единым (отвлекаясь от некоторых фонетических различий) язык стал только в пределах границ диалектов. Между отдельными диалектами полной общности не наблюдается.

Явления, общие для южных карел, т. е. для ливвиков и людиков, но не имеющие общности в собственно-карельском диалекте, представляя собою чаще всего элементы вепского языка.

Различия между ливвиковским и людиковским диалектами говорят о неравном количестве вепских языковых явлений в этих диалектах. И это не случайно. Несомненно, что больше вепских явлений вошло

¹ Д. В. Бубрих. „Происхождение карельского народа“, Петрозаводск. 1947, стр. 27.

² Д. В. Бубрих, цитируемая работа, стр. 37.

в язык и сохранилось среди населения, где было большее количество вепсов, а меньше вепских явлений вошло в язык и сохранилось среди населения, где было меньше вепсов.

Географическое расположение территорий диалектов тоже говорит за это. Ливвиковский диалект имеет меньше вепских явлений в языке потому, что территория ливвиков была расположена дальше от вепсов и ближе от местообитания Корелы. К тому же от последних были хорошие пути сообщения, какими являлись Ладожское озеро и впадающие в него реки, поэтому и карельское население здесь оказалось более плотным и многочисленным. К территории людиков от прежнего местообитания Корелы таких удобных путей не было и их разделяло более значительное расстояние. Поэтому там карельское население было менее плотным.

С другой стороны, Весь имела большие возможности к колонизации Онежского побережья, территории современных людиков, нежели территории ливвиков. Поэтому на территории людиковского диалекта вепское население оказалось более плотным, в результате чего и своих языковых явлений сохранило больше. Эти причины создали в карельском языке диалекты, которые и показывают, что карельский язык как общее средство общения сложился на основе двух языков — языка населения племени Корела и языка населения племени Весь.